

Ф. БЭКОН

СОЧИНЕНИЯ

ФРЭНСИС БЭКОН

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

<< МЫСЛЬ >>

МОСКВА - 1978

881-17501
17501-881
17501-881

ПРЕДИСЛОВИЕ

Те, кто осмелился говорить о природе как об исследованном уже предмете,—делали ли они это из самоуверенности или из тщеславия и привычки поучать — нанесли величайший ущерб философии и наукам. Ибо, насколько они были сильны для того, чтобы заставить верить себе, настолько же они преуспели в том, чтобы угасить и оборвать исследование. Они принесли не столько пользы своими способностями, сколько вреда тем, что погубили и совратили способности других. Те же, кто вступил на противоположный путь и утверждал, что решительно ничего нельзя познать,—пришли ли они к этому убеждению из ненависти к древним софистам, либо по причине отсутствия стойкости духа, или даже вследствие обладания некоторого рода ученостью — приводили в пользу этого доводы, которыми, конечно, нельзя пренебречь. Однако они отправлялись в своем мнении не от истинных начал и, увлекаемые вперед усердием и страстью, решительно превзошли меру. Древнейшие же из греков (писания которых погибли) более благоразумно удерживались между самонадеянностью окончательных суждений и отчаянием акаталепсии. И хотя они довольно часто сетовали и жаловались на трудность исследования и темноту вещей, однако, как бы закусив удила, не переставали стремиться к цели и испытывать природу. Они, как видно, полагали, что этот вопрос (т. е. можно ли что-либо познать) разрешается не спором, а опытом. Но и они, знакомые только с силой разума, не обращались к правилам, а все возлагали на остроту мысли, на подвижность и постоянную активность ума.

Наш же способ столь же легок в высказывании, сколь труден в деле. Ибо он состоит в том, что мы устанавливаем степени достоверности, рассматривая чувство в его собственных пределах и по большей части отбрасывая ту

работу ума, которая следует за чувством, а затем открываем и прокладываем разуму новый и достоверный путь от самых восприимчивых чувств. Без сомнения, это понимали и те, кто такое же значение придавал диалектике. Отсюда ясно, почему они искали помощи разуму, относясь с подозрением к прирожденному и самопроизвольному движению ума. Но слишком поздно прилагать это средство, когда дело уже загублено: после того как ум уже пленен привязанностями повседневной жизни, ложными слухами и учениями, когда он осажден пустейшими идолами. Итак, это искусство диалектики, поздно (как мы сказали) становящееся на защиту разума и никоим образом не поправляющее дело, скорее повело к укреплению заблуждений, чем к открытию истины. Остается единственное спасение в том, чтобы вся работа разума была начата сызнова и чтобы ум уже с самого начала никоим образом не был предоставлен самому себе, но чтобы он был постоянно управляем и дело совершалось как бы механически. В самом деле, если бы люди взялись за механические работы голыми руками, без помощи орудий, подобно тому как в делах разума они не колеблются приступить к работе почти лишь только с усилиями ума, то невелики были бы те вещи, которые они могли бы подвинуть и преодолеть, хотя бы они посвятили этому усердные и притом соединенные усилия. И если угодно несколько остановиться на этом примере и взглянуть в него, как в зеркало, то представим себеobelisk значительной величины, предназначенный для ознаменования триумфа или подобного торжества, который должно перенести на другое место. Если люди возьмутся за это голыми руками, то не признает ли это любой трезвый наблюдатель проявлением некоего тяжкого безумия? И не признает ли он еще большим безумием, если они увеличат число работающих и решат, что таким образом они сумеют это свершить? А если они сделают известный выбор, и отделят немощных, и используют только сильных и здоровых, и понадеются, что таким путем они выполнят работу, то не скажет ли он, что они еще сильнее отстают от разума? А если, наконец, они, не довольствуясь и этим, решат обратиться к атлетическому искусству и прикажут всем прийти с хорошо умощненными и подготовленными для этого руками и мышцами, то не воскликнет ли он, что они трудятся только для того, чтобы сумасбродствовать по известному правилу и умыслу? Так люди с подобным же неразумным рвением

и бесполезным единомышленником принимаются за дело разума, когда они возлагают большие надежды на многочисленность умов или па их превосходство и остроту или даже усиливают крепость ума диалектикой (которую можно почитать некоей атлетикой); а между тем тому, кто рассудит правильно, станет ясно, что при всем их усердии и напряжении они все же не перестают применять только голый разум. Но ведь совершенно очевидно, что во всякой большой работе, за которую берется человеческая рука без орудий и машин, силы отдельных людей не могут ни быть вполне напряжены каждая в отдельности, ни соединены все вместе. Итак, из установленных нами предпосылок мы выводим две вещи, о которых мы хотели бы предупредить людей, чтобы это не ускользнуло от их внимания. Первая из них состоит в следующем. Мы полагаем, что было бы хорошим предзнаменованием, если для уменьшения и устранения разногласий и высокомерия как за древними сохранились бы нетронутыми и неущемленными их честь и почитание, так и мы смогли бы свершить предназначенное, пользуясь при этом, однако, плодами своей скромности. Ибо если мы заявим, что мы можем принести лучшее, чем древние, вступив на ту же самую дорогу, что и они, то мы не сможем никаким красноречием воспрепятствовать тому, чтобы возникли сравнение и спор относительно дарований, или превосходства, или способности. Конечно, этот спор не был бы чем-то недозволенным или чем-то новым. Ибо если бы древние что-либо установили и открыли неправильно, то почему бы мы не могли с таким же правом, как и все люди, отметить и опровергнуть это? Однако, хотя этот спор и справедлив и дозволен, все же он, возможно, не соответствовал бы мере наших сил. Но так как мы стремимся к тому, чтобы разуму открылся совершенно новый путь, не известный древним и не испытанный ими, то дело меняется. Прекращаются соревнования и споры сторон. Мы сохраняем за собой только роль указующего путь, что представляет, конечно, лишь посредственную ценность и в большей степени является делом фортуны, чем способности и превосходства. Это предупреждение имеет отношение к личностям, другое же — к самим вещам.

Мы вовсе не пытаемся ниспровергнуть ту философию, которая ныне процветает, или какую-либо другую, которая была бы правильнее и совершеннее. И мы не препятствуем тому, чтобы эта общепринятая философия и

другие философии этого рода питали диспуты, украшали речи и прилагались для надобностей преподавания в гражданской жизни. Более того, мы открыто объявляем, что та философия, которую мы вводим, будет не очень полезна для таких дел. Она не может быть схвачена мимоходом, и не льстит разуму предвзятостями, и недоступна пониманию толпы, кроме как в своей полезности и действительности.

Итак, пусть будут — на счастье и благополучие обеих сторон — два истока учений и два их разделения и подобным же образом пусть будут два рода или как бы два сродства созерцающих или философствующих, никоим образом не враждебных и не чуждых друг другу, но связанных взаимной помощью и союзом. Одни из них пусть занимаются наукой, другие ее изобретают. Тем, для кого предпочтительнее первое по причине ли поспешания или по причине требований гражданской жизни, или потому, что они не могут охватить и воспринять это другое из-за недостаточной силы своего разума (а это неизбежно должно встречаться очень часто), — тем мы желаем достигнуть счастливой удачи в том, чем они занимаются, и продолжать придерживаться избранного направления. Но если кто из смертных желает не только оставаться при том, что уже открыто, и пользоваться этим, но проникнуть глубже и не спором побеждать противника, но работой — природу и, наконец, не предполагать красиво и правдоподобно, но знать твердо и очевидно, — такие пусть, если пожелают, соединятся с нами как истинные сыны науки для того, чтобы, оставив атриумы природы, которые осаждали бесконечные толпы, проложить себе наконец доступ к ее недрам.

Для того чтобы мы были поняты лучше и то, чего мы желаем, предстало в названиях более близких, мы обычно называем один из наших способов, или путей, *предвосхищением ума*, а другой — *истолкованием природы*.

Есть у нас ещё одно пожелание. Мы, конечно, стремились в своих размышлениях и приложили старание к тому, чтобы предлагаемое памп не только было истинно, но имело бы незатрудненный и беспрепятственный доступ к душам людей, хотя и весьма занятым и обремененным. Однако по справедливости мы можем ожидать (в особенности в столь великом восстановлении наук), что те, кто пожелает что-либо высказать об этом нашем труде на основании ли собственного понимания, или множества авторитетов, или форм доказательств (которые

теперь стали как бы судебными законами), не попытаются сделать это мимоходом и как бы между прочим. Пусть они прежде надлежащим образом изучат предмет; пусть они сами понемногу испытают тот путь, который мы указываем и пролагаем; пусть они привыкнут к тонкости вещей, запечатленной в опыте; пусть они, наконец, исправят посредством своевременного и как бы законного промедления превратные и глубоко укоренившиеся наклонности ума; и тогда наконец (если будет угодно), после того как это станет им по силам, пусть они воспользуются своей способностью суждения.

СОДЕРЖАНИЕ

Новый Органон	5
Предисловие	
Афоризмы об истолковании природы и царстве человека	12
Книга вторая афоризмов об истолковании природы, или	
О царстве человека	
Приготовление к естественной и экспериментальной истории	215
О мудрости древних	231
Посвящения	233
Предисловие	236
I. Кассандра, или Откровенность	241
II. Тифон, или Мятежник	242
III. Киклопы, или Подручные террора	243
IV. Нарцисс, или Себялюбие	244
V. Стикс, или Союзы	245
VI. Пап, или Природа	247
VII. Персеи, или Война	253
VIII. Эндимион, или Фаворит	256
IX. Сестра гигантов, или Молва	257
X. Лктеон и Пенфей, или Любопытный	258
XI. Орфей, или Философия	259
XII. Уран, или Истоки	261
XIII. Протей, или Материя	263
XIV. Мемпон, или Скороспелый	264
XV. Титон, или Пресыщение	265
XVI. Жепих Юоны, или Непристойность	266
XVII. Купидон, или Лтом	—
XVIII. Диомед, или Фанатик	269
XIX. Дедал, или Механик	271
XX. Эрихтоний, или Обман	273
XXI. Девкалиоп, или Возрождение	274
XXII. Немезида, или Превратность вещей	—
XXIII. Ахелой, или Битва	276
XXIV. Дионис, или Страсть	277
XXV. Аталанта, или Выгода	280
XXVI. Прометей, или Статус человека	281
XXVII. Полет Икара; Сцилла и Харибда, или Средний	
путь	290

XXVIII. Сфинкс, или Наука	291
XXIX. Прозерпина, или Дух	294
XXX. Метида, или Совет	297
XXXI. Сирены, или Наслаждение	—
О началах и истоках	301
Опыты, или наставления нравственные и политические	349
Посвящения	351
I. Об истине	354
II. О смерти	356
III. О единой религии	357
IV. О мести	361
V. О бедствиях	362
VI. О притворстве и лицемерии	363
VII. О родителях и детях	365
VIII. О браке и безбрачии	366
IX. О зависти	368
X. О любви	372
XI. О высокой должности	373
XII. О бойкости	376
XIII. О добре и добродушии	377
XIV. О знати	379
XV. О смутах и мятежах	380
XVI. О безбожии	386
XVII. О суеверии	388
XVIII. О путешествиях	390
XIX. Об искусстве властвовать	392
XX. О совете	395
XXI. О промедлении	399
XXII. О хитрости	400
XXIII. О себялюбивой мудрости	403
XXIV. О новшествах	404
XXV. О распорядительности	405
XXVI. О мнимой мудрости	406
XXVII. О дружбе	408
XXVIII. О расходах	414
XXIX. Об истинном величии королевств и республик	415
XXX. О поддержании здоровья	422
XXXI. О подозрении	424
XXXII. О беседе	425
XXXIII. О колониях	427
XXXIV. О богатстве	429
XXXV. О пророчествах	432
XXXVI. О честолюбии	435
XXXVII. О масках и триумфах	436
XXXVIII. О человеческой природе	438
XXXIX. О привычке и воспитании	439
XL. О счастье	441
XLI. О ростовщичестве	442
XLII. О юности и старости	445
XLIII. О красоте	447
XLIV. Об уродстве	448
XLV. О строениях	449
XLVI. О садах	453
XLVII. О переговорах	459
XLVIII. О приближенных и друзьях	461

XLIX. О просителях	462
L. О занятиях науками	464
LI. О партиях	465
LII. О манерах и приличиях	467
LIII. О похвале	468
LIV. О тщеславии	470
LV. О почестях и славе	471
LVI. О правосудии	473
LVII. О гневе	476
LVIII. О превратностях вещей	478
Новая Атлантида	483
Примечания	519
Указатель имен	559
Предметный указатель	562